Российские предприниматели в поисках контактов с советской властью в 1917–1918 гг.

Михаил Шацилло

Russian businessmen in search of contacts with Soviet authorities, 1917–1918

Mikhail Shatsillo (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Проблема взаимоотношений российских предпринимателей с молодой советской властью редко попадала в поле зрения отечественных историков. Одно из немногих исключений – работа Г.В. Цыперовича, в которой кратко рассматривается история контактов руководителей капиталистических концернов с представителями государственных органов[1], а также статья А.А. Воронецкой о роли ВСНХ в национализации промышленности[2]. Упоминание о переговорах А.П. Мещерского и группы Путилова–Стахеева–Батолина с правительством об организации трестов при участии частного капитала содержится в монографии Т.М. Китаниной[3].

В силу идеологических установок в советской историографии обосновывалась идея изначальной обречённости буржуазии в силу нежелания сотрудничать с новой властью. Даже добросовестные специалисты были вынуждены делать выводы, не всегда соответствовавшие логике исследования и выявленным ими фактам. Это относится, например, к опубликованной в 1967 г. статье П.В. Волобуева и В.З. Дробижева. В ней рассматривалась история переговоров советского правительства с А.П. Мещерским – крупным железорудным и стальным магнатом, одним из организаторов объединения предприятий «Коломна–Сормово» – о возможности создания треста с участием государства и частного капитала. Авторы констатировали, что «влиятельная группа капиталистов выразила готовность вести переговоры с Советским правительством о сотрудничестве и его формах»[4], а сам Мещерский выработал несколько вариантов проекта, которые были отвергнуты большевиками. В заключении же утверждалось, что «влиятельные капиталистические круги не хотели пойти на соглашение с Советским государством, на сотрудничество с ним в рамках госкапитализма», сделав ставку «на контрреволюционный саботаж и на насильственное свержение рабоче-крестьянской власти»[5].

© 2016 г. М.К. Шацилло

Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12025 а(ц).

[1] *Цыперович Г.В.* Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР. Л., 1927.

[2] *Воронецкая А.А.* Организация ВСНХ и его роль в национализации промышленности // Исторические записки. Т. 43. 1953. С. 3–38.

[3] *Китанина Т.М.* Военно-инфляционные концерны в России. Концерн Путилова–Стахеева–Батолина. Л., 1969. С. 153–155.

[4] *Волобуев П.В., Дробижев В.З.* Из истории госкапитализма в начальный период социалистического строительства в СССР // Вопросы истории. 1957. № 9. С. 113.

[5] Там же. С. 121.

Однако отношения предпринимателей и большевиков не сразу стали антагонистическими, на что одним из первых обратил внимание крупнейший английский советолог Э. Карр в солидном труде «История Советской России. Большевистская революция 1917–1923», опубликованном в начале 1950-х гг. Он пришёл к выводу, что «широко распространённым типом взаимоотношений между выжившими капиталистическими органами и инструментами новой власти было нелёгкое, недоверчивое и полувраждебное сотрудничество»[6]. Более того, в период анархии и разрухи конца 1917 – весны 1918 г. «можно разглядеть некоторое молчаливое совпадение интересов между правительством и наиболее разумными и умеренными промышленниками, стремившимися совместными усилиями обеспечить возврат к своего рода упорядоченному производству»[7].

Подобные выводы Карр сделал по итогам исследования широкого массива изданных в СССР источников – мемуаров партийных функционеров, периодических изданий, стенограмм партийных и хозяйственных конференций, законодательных материалов, т.е. на основе официальной информации. Охарактеризовать взгляды самих предпринимателей на перспективы сотрудничества с чуждой им по природе властью автор не смог в силу отсутствия источниковой базы. Однако доступные современным исследователям архивы предпринимательских организаций и новейшие публикации документов позволяют восполнить этот пробел.

Предпринимательские организации в России появились ещё в XIX в. В начале XX в. их насчитывалось около полутора сотен[8], однако полноценная система торгово-промышленного представительства сложиться не успела. В кризисном 1917 г. в стране действовало три предпринимательских объединения, претендовавших на общероссийское значение (Совет съездов представителей промышленности и торговли, Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства в Петрограде, московский Протосоюз), и более 150 отраслевых и региональных корпораций и союзов работодателей (союзы заводчиков и фабрикантов)[9].

После октябрьских событий деятельность предпринимательских объединений формально продолжалась более года. Большевистский переворот изначально воспринимался как временное явление – очередное испытание для торгово-промышленных кругов вслед за введением чрезвычайных мер в годы Первой мировой войны и усилением государственного вмешательства в экономику на фоне социально-экономического кризиса. По свидетельству члена совета и уполномоченного Совета съездов горнопромышленников Юга России В.А. Ауэрбаха, положение в первые месяцы советской власти напоминало ситуацию при Временном правительстве, «казалось, что произошёл не переворот, а смена кабинета... Деятельность союзов после большевистского переворота не только не ослабевает, а наоборот приобретает особенно оживлённый характер: владение и управление промышленностью остаётся в тех же руках, но пре-

---

[6] *Карр Э.* История советской России. Кн. 1: Большевистская революция 1917–1923. М., 1990. С. 467.

[7] Там же. С. 472.

[8] Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1977. С. 121–122.

[9] Подробнее см.: *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика. М., 2002; *Воронцова Е.А.* Предпринимательские организации в России: историография, источники, история. М., 2013.

доставленные сами себе промышленники проявляют особенную склонность к сплочению и солидаризации действий»[10].

Допуская поначалу возможность строительства «государственного капитализма» как переходной ступени к социализму, большевики относились «к своим классовым врагам относительно терпимо. Репрессивный аппарат не осуществлял тотального контроля за представителями буржуазии»[11]. Какое-то время новая власть даже мирилась с проявлениями оппозиционности со стороны представителей торгово-промышленных кругов, нелояльные предприниматели не подвергались жёсткому преследованию. Когда 29 ноября на основании декрета СНК от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. «Об аресте вождей гражданской войны против революции» был заключён под стражу председатель Совета съездов промышленности и торговли Н.Н. Кутлер, представительные предпринимательские организации вступили в активную переписку с органами ВЧК о необходимости его освобождения. Менее чем через три недели Кутлер вышел на свободу[12]. Секретарь фракции октябристов в Государственной думе Н.В. Савич, вспоминая о жизни в Петрограде в течение первых семи месяцев после прихода к власти большевиков, отмечал отсутствие «уверенности за завтрашний день», однако одновременно признавал, что «не испытал... особых неприятностей»[13]. Вплоть до начала осени 1918 г., когда развернулась политика «красного террора», предприниматели (за редким исключением) не покидали места постоянного проживания и вели, насколько было возможно, привычный образ жизни.

Предпринимательские объединения по-разному отреагировали на октябрьский переворот. Довольно резко откликнулись деятели Протосоюза, которые 13 ноября 1917 г. утвердили текст воззвания, одобрявшего бойкот чиновниками советских учреждений и распоряжений советской власти. В нём также содержался призыв ко «всем членам торгово-промышленного класса самым энергичным образом выступить в защиту попранных прав народа и дать твёрдый единодушный отпор совершаемому беззаконию»[14]. Часть предпринимателей откликнулась на это обращение, о чём говорит участие представителей Протосоюза (П.А. Бурышкин, С.А. Морозов, М.М. Фёдоров, А.А. Червен-Водали, С.И. Четвериков) в деятельности подпольных антисоветских организаций «Правый центр», «Национальный центр» и др.[15] Комментируя постановление наркома труда А.Г. Шляпникова «О приостановлении работ, условиях учёта и расчёта рабочих» от 21 декабря 1917 г., Союз заявил, что «не считает возможным опираться на постановление комиссара труда как на правовую норму», но «полагает, что знакомство с постановлениями подлежащего комиссара могут иногда принести известную пользу при разрешении рабочего вопроса на местах и помочь найти выход из возможных в этой области затруднений»[16].

---

[10] *Ауэрбах В.А.* Революционное общество // Архив русской революции. Т. 16. Берлин, 1924 (репринт: М., 1991). С. 53.

[11] *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003. С. 92.

[12] См.: РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 32, л. 9–12.

[13] *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 252.

[14] ОПИ ГИМ, ф. 10, оп. 1, д. 42, л. 43.

[15] См.: *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и её разгром. М., 1982. С. 38, 101, 118–123, 152; *Лавёрычев В.Я.* Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. 1961. № 70. С. 57–60; *Фёдоров М.М.* Национальный центр // Всероссийский Национальный центр. М., 2001. С. 443–445; Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 11, 12, 17, 39; и др.

[16] ОПИ ГИМ, ф. 10, оп. 1, д. 42, л. 58.

Однако организация продолжала легальное существование в условиях нового политического режима, с действиями которого позднее приняла решение считаться. Так, 13(26) февраля 1918 г. юридический отдел Протосоюза принял следующее заключение по поводу советского налогообложения: «Уплата налогов, установленных законной властью и законным порядком, несомненно, обязательна для всех граждан в пределах фактической возможности исполнения этого долга»[17].

Более сдержанную позицию занял Первый делегатский съезд Всероссийского союза обществ заводчиков и фабрикантов, проходивший 7 декабря 1917 г. в Москве и объединивший организации всех союзов работодателей. Только после обсуждения вопросов сугубо профессионального характера (страхование от забастовок, рабочий контроль, проблемы коллективных договоров) была заслушана информация об арестах руководителей промышленных организаций. В итоговом постановлении содержался протест против «незаконного лишения их свободы» и декларировалось, что «насилия не заставят промышленников сойти с пути исполнения долга перед Родиной и отечественной промышленностью»[18].

Концепция «государственного капитализма», которой большевики придерживались до конца весны 1918 г., предусматривала сохранение монополизированной экономики. Управление ею должно было осуществляться предпринимателями при двух непременных условиях – номинальном сохранении частной собственности и строгом надзоре со стороны властей в форме рабочего контроля. Последний, стихийно возникший на многих предприятиях после февраля 1917 г., был декретирован ВЦИК 14 ноября 1917 г. Согласно соответствующему «Положению», решения органов рабочего контроля были обязательными для владельцев предприятий и могли отменяться лишь постановлением высших органов рабочего контроля[19]. Вместе с тем на практике последний не означал прямого вмешательства в производственный процесс, руководителями которого в качестве «буржуазных специалистов» часто являлись прежние владельцы. Сохранялась старая система управления предприятиями, в силе оставалось право владения акциями и выплаты дивидендов, старая администрация получала высокое жалование. Лишь в августе 1919 г. вышло постановление ВСНХ, согласно которому бывшие собственники были лишены права занимать технические и административные должности[20].

Владельцам предприятий в ряде случаев удавалось успешно наладить взаимодействие как с новой властью, так и с рабочими. Например, 30 ноября 1917 г. общее собрание акционерного общества Белорецких железоделательных заводов приняло решение приобрести Катав-Юрюзакский железоделательный округ у князя Белозерского-Белосельского. 11 декабря нарком торговли и промышленности А.Г. Шляпников дал разрешение на осуществление сделки. Слияние двух уральских округов потребовало санкции и других высокопоставленных советских чиновников, что затянуло принятие решения. Поскольку прежний владелец после продажи заводов прекратил их финансирование, округ оказался перед угрозой закрытия, рабочие перестали получать зарплату. В этих условиях Белорецкое общество самостоятельно приступило к содержанию предприятий,

---

[17] Там же, л. 61.
[18] РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 255, л. 8–8 об.
[19] Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 83–84.
[20] *Смирнова Т.М.* Указ. соч. С. 117.

хотя юридическим собственником ещё не являлось. Окончательно сделка была утверждена московскими властями лишь 11 июня 1918 г.[21]

Другие акции советской власти, предпринятые в ходе «красногвардейской атаки на капитал», также осуществлялись поэтапно и оставляли свободу манёвра для предпринимательской деятельности. Несмотря на захват большевиками Государственного банка в ноябре 1917 г. и начавшуюся следом национализацию частных банков, ликвидация независимых кредитно-финансовых учреждений и их слияние с Госбанком в единый Народный банк РСФСР продолжались фактически до конца 1919 г. Де-факто частные банки продолжали функционировать, а их клиенты могли распоряжаться своими средствами. Более того, владельцы промышленных заведений могли снимать деньги на личные расходы со счетов принадлежащих им предприятий, хотя их суммы были ограничены распоряжениями главного комиссара Народного банка[22]. По декрету от 28 июня 1918 г. был наложен «временный» арест на личные счета, но он касался только членов правлений, акционеров и собственников национализированных предприятий. И лишь 29 октября Президиум ВСНХ вынес решение о немедленной конфискации всех сумм, числящихся на личных текущих счетах владельцев национализированных предприятий в банках, с перечислением конфиската на счета принадлежавших им ранее предприятий. Одновременно подлежали закрытию личные счета бывших директоров и членов правлений национализированных фирм, на которых могли быть укрыты средства, изъятые из оборота предприятий[23].

Декрет СНК о национализации внешней торговли от 22 апреля 1918 г. не завершил перестройку «внешней торговли на основах государственной монополии, а лишь положил ей начало... С момента появления декрета 22 апреля и примерно до осени 1918 г. имел место переходный период от контроля к установлению подлинной монополии»[24]. Особенностью этого периода было то, что государство, опасаясь обострения товарного голода, не запрещало реализацию частных сделок, заключённых до выхода декрета. Поскольку большевики ещё не могли своими силами осуществлять внешнюю торговлю, они вынужденно пошли на отступление от декрета, разрешив отдельные экспортно-импортные операции. Более того, само правительство использовало опыт частного сектора при внешнеторговых операциях. Так, в соответствии с декретом о национализации внешней торговли при Наркомате торговли и промышленности «для организации вывоза и ввоза» был создан Совет внешней торговли, в состав которого вошли сотрудники государственных ведомств, центральных органов регулирования и управления отдельных отраслей, кооперативов и профсоюзов, а также «центральные представительства торгово-промышленных и сельскохозяйственных организаций» и «центральные органы торговых предприятий по ввозу и вывозу важнейших продуктов»[25].

Национализация промышленности также не являлась единовременной акцией и реализовывалась в несколько этапов, причём поначалу носила ха-

---

[21] *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 210–211.

[22] История Министерства финансов в России. Т. II. М., 2002. С. 136.

[23] *Механик С.* Финансово-кредитные проблемы в период национализации промышленности в СССР. М., 1957. С. 133.

[24] *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л., 1969. С. 91–92.

[25] Декреты Советской власти. Т. II. М., 1959. С. 159.

отический характер. Как вспоминал сотрудник юридического отдела ВСНХ, весной 1918 г. «“национализировал” всякий, кто хотел: местные “совнархозы”, “исполкомы”, “военревкомы” – даже чрезвычайки в порядке карательных “конфискаций”. Делалось это не по какому-либо плану, а по специальным на каждый данный случай мотивам. То “исполком” рассердился на фабриканта, то кому-либо приглянулся запас топлива, имеющийся на данном заводе, то конкурент посещал президиум “губсовнархоза” с приношениями, то какой-либо инженер из соответствующего отдела ВСНХ находил, что на данном предприятии он сумеет развернуть свои непризнанные до сих пор новаторские идеи»[26].

С конца 1917 г. в собственность советского государства посредством декретов переходили только отдельные предприятия. Весной же 1918 г. официально была начата национализация некоторых важнейших отраслей тяжёлой индустрии (нефтяной, металлургической, машиностроительной, угольной) и производства сахара. Во второй половине года наступил черёд крупных фирм (в первую очередь наиболее рентабельных) лёгкой и пищевой промышленности. По данным ВСНХ, из 6908 предприятий, находившихся на его учете, на 1 июля 1918 г. фактически было национализировано и секвестрировано 513 (7.4%), а к декабрю – 1 125 (16.3%)[27].

Так, в текстильной промышленности, как утверждал известный московский предприниматель П.А. Бурышкин, национализация фабрик «продвигалась очень медленно и была закончена только к началу 1919 г., в то же время начался процесс объединения или трестирования хлопчатобумажной промышленности»[28]. До перехода в управление ВСНХ заводы находились под контролем предпринимателей. По декрету от 28 июня 1918 г. о национализации крупной промышленности, соответствующие заведения, объявленные «достоянием Республики», признавались находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев впредь до особого распоряжения ВСНХ. В том же документе оговаривалось, что «правления и бывшие собственники финансируют их на прежних основаниях, а равно получают с них доходы на прежних основаниях»[29].

В рамках доктрины «государственного капитализма» новые власти предусматривали как возможность контактов с предпринимателями по вопросам совместного владения и управления производством, так и привлечение к работе в правительственных органах «буржуазных» специалистов – причём не только инженерных кадров, но и владельцев предприятий. Первый вариант сотрудничества прослеживается в истории переговоров советского правительства с крупными промышленными магнатами о создании смешанных государственно-капиталистических объединений. В ноябре 1917 г. известным промышленником А.П. Мещерским был выработан план создания треста «Национальное общество», который должен был объединить до 75% отечественного паровозостроения и до 80% вагоностроения. Первоначальный основной капитал составил бы 1.5 млрд руб., причём государству предполагалось отдать 33% акций, остальная же доля оставалась у частного капитала. Уже в январе 1918 г.

---

[26] *Гурович А.* Высший Совет Народного Хозяйства. Из впечатлений года службы // Архив русской революции. Т. VI. Берлин, 1922 (репринт: М., 1991). С. 311.

[27] *Механик С.* Указ. соч. С. 17–18.

[28] *Бурышкин П.А.* Состояние хлопчатобумажной промышленности в СССР // Труды Общего съезда представителей русской торговли и промышленности в Париже. Париж, 1921. С. 2.

[29] Декреты Советской власти. Т. II. С. 498.

этот проект, вызвавший возражения большевиков, был переработан, доля акций, принадлежавших государству, увеличена до 50%.

Впрочем, в итоге соглашение не состоялось: в мае 1918 г. советская сторона отказалась от привлечения частного капитала и предложила предпринимателям пойти на службу новой власти в качестве организаторов производства[30]. Вскоре Мещерский и вовсе оказался на Лубянке[31], а заводы группы «Сормово–Коломна» в июне 1918 г. были национализированы.

Весной 1918 г. в переговоры с советской властью вступил крупный предприниматель Н.Д. Стахеев, который предложил образовать трест железорудной и сталелитейной промышленности на Урале. Акции на сумму 200 млн руб. должны были субсидироваться его группой, ещё 200 млн – государством, а также 100 млн – представителями американского капитала. Как и Мещерский, Стахеев допускал возможность того, что государство возьмёт на себя субсидирование всего капитала, а группа предпринимателей будет осуществлять управление трестом[32]. Однако и эта инициатива не была реализована. Недовольство левой группы руководства большевистской партии усиливалось и, по словам Э. Карра, «в мае 1918 г. полемика по вопросу об организации промышленной политики прекратилась... Предложение о том, чтобы вести дела совместно с капиталистами, было отвергнуто и уже более не возобновлялось; таким образом, исчезла возможность компромисса с промышленниками под флагом “государственного капитализма”»[33].

Если идея создания государственно-капиталистических трестов не воплотилась в жизнь, то опыт частно-государственного партнёрства всё же нашёл применение. При создании учреждений по управлению народным хозяйством большевики опирались на сформированные царским правительством в период Первой мировой войны специальные централизованные органы учёта и распределения, где соблюдался некий баланс интересов государства и представителей частного капитала. Через эти органы обеспечивалась поставка фабрикантам сырья по твёрдым ценам, но разрешался свободный сбыт продукции на частный рынок. Частный же аппарат производства и распределения находился под государственным контролем.

Сначала подобные учреждения появились в текстильной отрасли. В июле 1915 г. по инициативе московских предпринимателей при Министерстве торговли и промышленности были организованы «особые для хлопчатобумажных и суконных фабрик комитеты» (впоследствии появились льняной, джутовый, бумажный и кожевенный комитеты)[34]. В их состав входили представители правительства и отраслевых предпринимательских организаций. Через несколько месяцев подобный опыт был апробирован в металлургии. В состав Металлургического комитета при Особом совещании по обороне, утверждённого военным министром А.А. Поливановым в декабре 1915 г., наряду с сотрудниками военного ведомства, вошли представители синдикатов «Продамет», «Кровля», «Медь», а также общественных и предпринимательских организаций (Земский

---

[30] *Волобуев П.В., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 113–120.

[31] Об обстоятельствах его заточения и освобождения см. воспоминания дочери: *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Р., 1984. С. 23–31.

[32] *Цыперович Г.В.* Указ. соч. С. 161–162; *Карр Э.* Указ. соч. С. 475.

[33] *Карр Э.* Указ. соч. С. 480.

[34] Особые совещания и комитеты военного времени. Пг., 1917. С. 79. Высокая оценка деятельности текстильных комитетов в снабжении армии была дана А.Л. Сидоровым (См.: *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 387).

и Городской союзы, Советы съездов горнопромышленников Урала и Юга России и др.)[35].

Вскоре после прихода к власти большевики приступили к созданию системы управления, которая в значительной степени поглотила аппарат учёта и распределения «регулирующих» органов военного времени. Для обеспечения контроля за лояльностью новых учреждений осуществлялась их «демократизация». 8 декабря 1917 г. председатель Особого совещания по обороне Н.И. Подвойский подписал приказ о реорганизации и изменении состава районных заводских совещаний – местных органов Особого совещания по обороне. Две трети их состава формировались из представителей рабочих, одна треть – из представителей технических организаций и объединений промышленников[36].

С начала 1918 г. Высший совет народного хозяйства занялся созданием единой системы отраслевого управления промышленностью. Дореволюционные учреждения, состоявшие из государственных чиновников и промышленников, были трансформированы в «главки» и «центры», состав которых, как в случае с районными заводскими совещаниями, был «демократизирован». В январе на базе Главного комитета по кожевенным делам образовался Главный комитет кожевенной промышленности («Главкожа»), в котором $^{2}/_{3}$ мест было предоставлено рабочим, $^{1}/_{3}$ – буржуазным специалистам[37]. В феврале «Центроткань», созданная ещё Временным правительством в июне 1917 г. на основе хлопчатобумажных и суконных комитетов, была трансформирована в «Центротекстиль», включавший до конца июля 1918 г. торгово-промышленную группу из представителей бизнеса[38]. «Расмеко» (Комитет по распределению металлов, организованный в 1915 г.) был включён в состав ВСНХ под прежним названием. Затем последовало создание примерно 70 новых отраслевых органов.

Современник тех событий, покинув Советскую Россию, сообщал осенью 1918 г.: «Во главе многих центров и главков стоят бывшие предприниматели, ответственные сотрудники и руководители предприятий, и неподготовленный посетитель этих главков и центров, лично знавший прежний торгово-промышленный мир, был бы поражён, увидев в Главкоже бывших владельцев крупных кожевенных заводов, в центротекстильном учреждении – крупных мануфактуристов и т.д.»[39]. По некоторым данным, к декабрю 1918 г. из 400 служащих 20 наиболее важных главков и центров свыше 10% были представителями бывших предпринимательских органов и организаций, а весь хозяйственный аппарат, находившийся под управлением ВСНХ, на 61% состоял из рабочих и на 30% из специалистов[40].

Реализация совместных проектов в рамках модели «государственного капитализма» могла стать важным шагом к крупномасштабной национализации. Предполагалось, что конструктивные отношения с представителями делового мира, с одной стороны, предотвратят их саботаж, с другой – будут способствовать привлечению капиталов, использованию материально-технических ресур-

---

[35] *Погребинский А.П.* Синдикат «Продамет» в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Вопросы истории. 1958. № 10. С. 23–27.

[36] *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства (1917–1918). М., 1987. С. 159.

[37] *Иголкин А.А.* Военный коммунизм: политика против экономики // Гражданская война в России 1917–1922. Очерки экономической и политической истории. М., 2013. С. 204.

[38] ЦГА Москвы, ф. 143, оп. 1, д. 823, л. 3.

[39] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 570.

[40] *Карр Э.* Указ. соч. С. 548.

сов, сложившегося учётно-контрольного аппарата и профессионального опыта буржуазных специалистов.

Предприниматели же, заняв выжидательную позицию по отношению к новой власти, считали своей задачей предотвращение развала экономики и поддержание бизнеса. Одной из основных функций торгово-промышленных представительных организаций оставалась защита корпоративных интересов. Отличие заключалось в том, что после большевистского переворота отстаивание позиций предпринимателей приобрело форму протестов против произвола местных и центральных властей. Как заявлял член правления Протосоюза А.А. Червен-Водали, «Всероссийский союз торговли и промышленности, объединяя ещё до большевистского переворота много торгово-промышленных учреждений всей России, сосредотачивает в себе заявления о контрибуциях, об арестах и т.д. И Союз торговли и промышленности возбуждает вопросы перед комиссариатом юстиции, перед комиссариатом торговли и промышленности и комиссариатом внутренних дел эти вопросы – об облегчении участи отдельных лиц или облегчении общей контрибуции. И очень часто эти ходатайства удовлетворяются. Это была борьба не в буквальном смысле. А это было принятие известных мер к облегчению участи представителей торговли и промышленности, а иногда и предприятий торговли и промышленности»[41].

Об успешном отстаивании интересов предпринимателей говорили и другие деятели Протосоюза. Так, Всероссийский союз торговли и промышленности в январе 1918 г. выступил с протестом против конфискаций и других насилий над представителями торгово-промышленного класса[42]. Двумя месяцами позже заведующий юридическим отделом А.В. Позняков с удовлетворением сообщал членам совета Союза «об установлении деловых сношений... с Советской властью по вопросам о налагаемых на торгово-промышленный класс контрибуциях»[43].

Стремление защищать свои права легальными способами проявили также и руководители петроградского Совета съездов промышленности и торговли. В специальном извещении, подготовленном в марте 1918 г. для его членов, была выработана схема противодействия неправомерному налогообложению: «Совет съездов рекомендует во всех случаях, когда обложение предприятий не основано на действующих законах и декретах советской власти... немедленно протестовать письменно по телеграфу Народному Комиссару Внутренних дел... ходатайствовать о сложении или понижении того или иного налога, сбора или контрибуции. Копии ходатайств просим пересылать в налоговый отдел совета съездов, для возможности, в случае крупных правонарушений, выступать и с его стороны в защиту интересов его членов»[44].

С января 1918 г. предметом дискуссий в предпринимательских союзах стал вопрос о допустимости сотрудничества с советской властью и возможности участия их членов в правительственных учреждениях. Первым поставил этот вопрос на обсуждение заседания комитета Совета съездов представителей промышленности и торговли от 18 января В.И. Тимирязев – председатель Сове-

---

[41] Заседание чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском революционном комитете, 22 мая 1920 года // Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 149.

[42] ОПИ ГИМ, ф. 10, оп. 1, д. 41, л. 96–98.

[43] Там же, л. 106.

[44] Там же, д. 35, л. 40.

та съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Будучи членом Особого совещания по обороне, он участвовал в обсуждении мирных переговоров, в частности предложений австро-германской делегации в области торговых отношений. А.Г. Шляпников пригласил Тимирязева «принять участие в качестве сведущего лица», в работе экспертной комиссии по вопросам переговоров с Германией, возглавляемой заместителем наркома торговли и промышленности М.Г. Вронским.

Председатель Совета принял предложение, оговорив, что будет оставаться «на той политической платформе, которой он придерживается». Соглашение было установлено, более того, Тимирязев получил право кооптирования и других экспертов. Вместе с тем он счёл необходимым обратиться к членам объединения с просьбой «определить допустимую форму участия его в работах теперешних правительственных учреждений вообще, и в частности, в Комиссии... Бронского»[45]. Обсуждение этого вопроса было представлено на рассмотрение Совета, и, хотя документов с его санкцией не сохранилось, можно заключить, что решение оказалось положительным. Как отмечалось в отчёте Совета съездов, составленном для Совета народного хозяйства Северной области 26 октября 1918 г., его представители принимали активное участие в «комиссии Вронского»[46].

19 января вопрос о возможности участия торгово-промышленных организаций в советских государственных учреждениях был поставлен на заседании Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Мнения участников обсуждения разделились. Одни утверждали, что «нельзя уклоняться от участия в работах... в государственных учреждениях... при каком бы режиме политического управления ни находилась страна в данное время». При этом оговаривалось, что взаимодействие с правительством должно происходить «преимущественно в пределах информации и защиты экономических интересов... Подобного рода участие... являлось бы тем более необходимым, что в настоящее время нельзя предвидеть, насколько прочным и долговечным может вообще оказаться установившийся теперь политический режим, ввиду чего торгово-промышленный класс не должен пребывать в качестве безучастного наблюдателя производимых над хозяйственным органом страны разрушительных опытов»[47].

Представители противоположной точки зрения исходили из того, что сотрудничество с властями «неминуемо оказывает моральную поддержку именно тем политическим партиям, с направлением деятельности коих в экономической области торгово-промышленный класс совершенно не может примириться... Поэтому... не следовало бы... задерживать и замедлять естественное течение событий к роковой их цели». Вопрос был поставлен на голосование, большинство членов заседания присоединилось ко второму мнению. Однако окончательное решение всё же содержало элемент компромисса: «Все члены собрания полагали, что персональное участие отдельных членов торгово-промышленных организаций в комиссиях и совещаниях при государственных учреждениях должно быть предоставлено полному усмотрению каждого лица, в случае получения им частного приглашения, и не должно было бы вызывать каких-либо возражений со стороны упомянутых организаций»[48].

---

[45] РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 29, л. 6–8.
[46] Там же.
[47] Там же, л. 27.
[48] Там же, л. 28.

Двумя днями позже схожее обсуждение состоялось на заседании комитета Совета съездов представителей промышленности и торговли. Как отмечалось в стенограмме, одни участники прений (Б.Д. Кофман, И.Е. Ильяшенко, М.И. Ушаков, Г.Г. Левестам, В.А. Рулёв и др.) «высказались за необходимость деловых сношений в целях спасения промышленности от окончательной её гибели. Другие выступили против участия, полагая, что участие не только бесполезно, но может быть даже и вредным, так как оно не изменит политики Советской власти, а между тем ответственность падёт на Совет Съездов».

После прений на голосование были поставлены три вопроса: допустимы ли деловые сношения с советской властью как Совета съездов, так и отдельных организаций; допустимо ли для Совета съездов участие через своих представителей в правительственных учреждениях; допустимо ли для отдельных организаций участие через своих представителей в правительственных учреждениях. По первому вопросу 20 человек высказалось «за» и 4 «против», по второму – 11 «за» и 12 «против», по третьему – 13 «за» и 10 «против»[49]. Как видим, пойти на неформальные контакты с большевиками готово было большинство руководителей Совета съездов, а по вопросу официального участия в государственных учреждениях мнения разделились.

В Москве предприниматели также не приняли однозначного решения. Командированный Советом съездов представителей промышленности и торговли для ознакомления с настроением московских коллег О.И. Гуревич по возвращении выступил с отчётом в штаб-квартире организации. У него сложилось впечатление, что торгово-промышленные организации Москвы по вопросу о совместной деятельности с существующей властью «скорее склоняются в положительную, нежели в отрицательную сторону. При этом представители промышленности и представители торговли, в том числе биржевой, исходят из того положения, что торговля и промышленность страны, как важнейшие отрасли государственного хозяйства, аполитичны, почему весь торгово-промышленный аппарат должен быть беспартийным и сохранен в возможной целости». Занимая чисто деловую позицию, они вошли в состав регионального регулирующего органа – Московского районного экономического комитета, где получили квоту в $^1/_3$ состава организации[50].

Такое же стремление к взаимодействию с новыми властями выказал и Союз работодателей Петрограда. 31 января Всероссийский союз общества заводчиков и фабрикантов на заседании Совета «большинством голосов постановил признать необходимым немедленное вступление... в деловой контакт с Высшим Советом Народного Хозяйства»[51].

В чём же причина расхождения мнений организаций по вопросу о целесообразности взаимоотношений с советской властью? Очевидно, представители различных отраслей народного хозяйства по-разному относились к возможностям государства по поддержке экономики страны. Промышленность, сохранившая свою материально-техническую базу, в большей степени зависела от казны, способной обеспечить заказы, поддержать производство и снабдить его необходимыми ресурсами. Представители коммерции осознавали, что в ходе войны произошёл переход от свободного рынка к жёстко регламентированному распределению почти всех товаров и продуктов питания, что вызвало дегра-

---

[49] Там же, л. 29.

[50] Там же, л. 26.

[51] Там же, ф. 150, оп. 1, д. 434, л. 10.

дацию частной торговли, и вряд ли рассчитывали на то, что государство откажется от методов администрирования. Именно поэтому, вероятно, заводчики Петрограда и Москвы больше стремились к сотрудничеству с большевиками, чем руководители Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства.

В пользу этого предположения свидетельствует позиция представителей банковского сектора, который первым пострадал от чрезвычайных мер большевиков. Финансисты, сразу же устроившие саботаж новой власти, и в дальнейшем (за исключением отдельных представителей) не шли на уступки. В уже упоминавшемся сообщении Гуревича говорилось, что представители московских банковских организаций «полагают, что если бы техническая часть банков и была налажена, возможно, правильно, что чрезвычайно важно для банковских учреждений, то всё же участие уже теперь членов Правлений и Советов в таких учреждениях настоящего правительства, как Учетный Комитет Государственного Банка, вряд ли представляется целесообразным»[52].

Предельно жёсткая линия банкиров по отношению к власти проявилась на совещании по банковскому делу, созванном 10–11 апреля главным комиссаром Госбанка. В нём приняли участие 18 чиновников дореволюционных министерств и 33 бывших банковских сотрудника. По итогам встречи был образован Совет экспертов[53]. На следующий день в Москве прошло совещание особой комиссии из делегатов банков и представителей советского правительства о мерах по восстановлению банковской деятельности. Банкиры огласили декларацию, в которой подчеркнули, что «приглашение их к совместной деятельности последовало после целого ряда страшных ошибок, произведённых комиссаром в финансовой области». Они были готовы «спасти обломки государственно-финансового аппарата», но при соблюдении следующих условий: все банки возобновляют операции в своих зданиях; банковская деятельность должна совершаться со старым штатом служащих; управление отдельными банками сосредоточивается в руках членов правления; первой операцией по возобновлению деятельности банков должна быть реализация банковских активов. Банковские деятели отметили, что в случае отклонения этих условий советской властью они «считают совместную работу бесцельной»[54].

В целом же предпринимательские организации высказались за допустимость сотрудничества с властью. После переезда правительства в Москву деятели Протосоюза, демонстрируя неизжитый дух конкуренции с Петербургом, поставили на совете своей организации вопрос о принятии функций и полномочий Совета съездов, указывая на «упадок деятельности в Петербурге»[55]. Это предложение вызвало возмущение председателя Совета съездов Н.Н. Кутлера. 29 мая он отправил С.С. Смирнову, исполнявшему в отсутствие П.П. Рябушинского функции председателя организации, письмо протеста, являвшееся своеобразным отчетом о работе петербургской организации за полгода, прошедшие с октября 1917 г.

Кутлер писал, что ассоциация сталкивалась с многочисленными трудностями – недостатком средств, неблагожелательным отношением правитель-

---

[52] Там же, ф. 32, оп. 1, д. 29, л. 28 об.

[53] Минувшее. 1986. № 1. С. 86.

[54] Цит. по: Восстановление банковской деятельности. Условия банкиров // Киевская мысль. 1918. № 56. 20(7) апреля.

[55] ОПИ ГИМ, ф. 10, оп. 1, д. 41, л. 104.

ства к буржуазным общественным организациям, сложностями в сношениях с местными организациями, «общим развалом общественной жизни в России» и т.д. Однако, несмотря на это, «Совет не только существует, но и действует. Заседания комитета происходят еженедельно, на них обсуждаются многие вопросы современной жизни, заседания посещаются большим числом лиц. При Совете действуют постоянные комиссии по железнодорожным вопросам, по тарифному вопросу, по внешней торговле, часто собираются и заседания временного характера». Наконец, в Совете организованы работы по изучению Брестского мирного договора и мер, необходимых «для охраны экономических интересов России в связи с эти договором, ряда экономических, финансовых и юридических вопросов, для решения которых привлечены лучшие научные и технические силы Петрограда»[56].

Как отмечалось в другом документе, составленном в ноябре 1918 г., с октября 1917 г. функции Совета съездов носили по преимуществу экспертный характер: «Консультативная деятельность выразилась и продолжается в работе его представителей в учреждениях Советской России»[57]. Члены организации под руководством В.И. Тимирязева принимали участие в Комиссии Бронского по вопросам мирных переговоров с Германией. Для помощи Тимирязеву Совет съездов организовал две комиссии – по выработке основных положений о возмещении убытков, причиненных воевавшим с Россией государствам (под руководством И.Е. Ильяшенко), и по пересмотру всех действовавших конвенций и соглашений России с Центральными державами (во главе с бароном Б.Э. Нольде), – работа которых завершилась в середине июля 1918 г. Кроме того, представители Совета съездов вошли в состав учётно-ссудного комитета Народного банка, Центрального комитета по железнодорожным делам, Страхового совета, участвовали в Тарифном и Конвенционном съездах в Москве (август 1918 г.).

Весной 1918 г. по инициативе предпринимательских организаций при активном участии Совета съездов были созданы общественные организации, занимавшиеся экспертной и оценочной работой в тесном контакте с органами советской власти. Одна из них – учреждённый 4 апреля 1918 г. в Петрограде Союз защиты интересов русских кредиторов и должников, состоявший из представителей 60 организаций, в том числе Советов съездов представителей промышленности и торговли, биржевой торговли и сельского хозяйства, горнопромышленников Юга России и Урала, лесной промышленности и торговли, мукомолов, судовладельцев, Всероссийского Союза обществ заводчиков и фабрикантов. На учредительном собрании председателем Союза был избран бывший глава Совета министров граф В.Н. Коковцов, его заместителем – бывший министр иностранных дел, финансист Н.Н. Покровский. Задачей организации был учёт взаимных имущественных и финансовых претензий граждан России и Четверного союза в связи с подписанием Брестского договора. Как сообщалось в официальном извещении Союза, «в Германии и Австро-Венгрии указанные притязания собраны, приведены в ясность и обработаны с юридической и технической сторон при посредстве особых обществ защиты интересов кредиторов». Подобную работу предстояло осуществить и российской организации[58].

---

[56] Там же, д. 35, л. 3–3об.

[57] РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 66, л. 6.

[58] Там же, д. 121, л. 10.

В середине апреля 1918 г. при наркомате торговли и промышленности был создан ликвидационный отдел, занимавшийся вопросами взаимных претензий граждан России и Четверного союза о возвращении имущества и возмещении ущерба, предъявленных на основании Брестского договора. Задачи образованного учреждения и Союза защиты полностью совпадали, структуры наладили деловой контакт. В конце мая в комитете Союза зарегистрировали около 2 тыс. претензий на сумму до 120 млн руб. и до 7 тыс. заявлений об имуществах иностранных подданных в России на 1 млрд руб. Тогда же материалы комитета были перевезены в Москву и переданы в Ликвидационный отдел. Управляющий им С.М. Франкфурт «просил регулярно осведомлять его о деятельности Союза и с своей стороны обещал предоставлять в распоряжение Союза все необходимые материалы»[59].

В конце весны 1918 г. ожидалось появление новых экспертных органов с участием представителей предпринимательских объединений. 25 мая на заседании комитета Совета съездов промышленности и торговли выступил профессор Д.С. Зернов, сообщивший, что при Народно-промышленном комитете, заменившем Военно-промышленный, планируется организовать Совет экспертов – общественный орган, «направление деятельности которого довольно обширно». Предполагалась полная его самостоятельность, привлечение к работе научных, технических сил и представителей промышленности. На том же заседании был поставлен вопрос об их участии в качестве экспертов в работе Высшего совета народного хозяйства, однако «после обмена мнений... Комитет постановил пока воздержаться от такового»[60].

26 мая в Москве состоялся I Всероссийский съезд советов народного хозяйства, сыгравший известную роль как в истории страны, так и в судьбе предпринимателей. Его участники приняли решение перейти к последовательной национализации важнейших отраслей промышленности (металлообрабатывающей, машиностроительной, химической, нефтяной и текстильной). 8 июня вышел соответствующий Декрет.

Представители торгово-промышленных кругов не сразу осознали, что в России наступает закат эпохи предпринимательства. Многие надеялись, что национализация – временная мера для сохранения отечественной индустрии, которая поможет обеспечить централизованные поставки сырья и наведение трудовой дисциплины. Так, ещё 16 марта заведующий Промышленным отделом О.И. Гуревич выступил на заседании комитета Совета съездов с докладом о декрете «Об управлении национализированными предприятиями», доказывая, что «главный смысл... заключается в стремлении его ввести возможную дисциплину в дело управления предприятием при его национализации»[61]. Надежду вселяло положение декрета о том, что предприятия признавались находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев и бывшие собственники должны финансировать их и получать с них доходы «на прежних основаниях».

Именно поэтому предприниматели продолжали рассчитывать на благоприятный исход событий, что проявилось в ходе дебатов промышленников Москвы и Петрограда по поводу юридического статуса предприятий. 31 августа Петроградская организация декларировала: «Так как правления предприятий

---

[59] Там же, л. 132.

[60] Там же, д. 29, л. 36 об.

[61] Там же, л. 8 об.

отвечают за правильную их работу, то им должна быть обеспечена вся полнота власти в хозяйственной жизни предприятия и отдельные заводоуправления должны быть подчинены правлениям непосредственно, минуя всякие другие местные правительственные инстанции»[62].

Москвичи были с этим солидарны, однако вскоре предприниматели двух столиц разошлись во мнениях. Как утверждалось на заседании комиссии Совета съездов 1 октября 1918 г., «Петроградская комиссия придаёт национализации... значение полной ликвидации предприятий, тогда как Московская консультационная комиссия находит, что национализация ограничивается изменением юридического титула владения и переводом бывших собственников в разряд безвозмездных арендаторов». Петроградцы объясняли, что их позиция «представляет для бывших владельцев все преимущества, так как уже не на них, а на нового собственника, то есть на казну должны упадать все экономические последствия дальнейшей деятельности предприятия... при предполагаемой Петроградской комиссией убыточности эксплуатации предприятия после национализации, предохраняет имущественную массу и стоимость предприятия, существовавшую к моменту объявления национализации и зафиксированную в балансе (1 июля 1918 г.) от обесценения и ограждает интересы держателей акций и паёв на случай расчета с ними казны за национализацию». Москвичи же настаивали, что декрет не даёт «никаких оснований считать права бывших владельцев аннулированными – напротив, декрет сохраняет за бывшими владельцами, ныне арендаторами, право на извлечение дохода на прежних основаниях и прежний же порядок их финансирования, равно как оставляет без изменения организацию управления предприятиями, впредь до особого распоряжения ВСНХ по каждому отдельному предприятию... Общества и компании продолжают существовать и функционировать на началах, определяемых их уставами». Собраниям «принадлежит, как ранее, избрание членов правлений и ревизионных комиссий, установление размера дивиденда, утверждение годовых смет и отчётов и проч.»[63].

Однако отнюдь не всё бизнес-сообщество, в отличие от руководителей объединений, было единодушно в оценке своих перспектив. После опубликования декрета Московский торгово-промышленный комитет, взявший на себя в мае 1918 г. представительство предпринимательских объединений Москвы, «постановил торгово-промышленной группе Центротекстиля изыскать способы если не предотвращения занесённого над промышленностью последнего удара, то во всяком случае его смягчения»[64]. Заседание группы состоялось 23 июля 1918 г. В ходе дискуссии выявились три точки зрения. Представители торговых фирм, констатировавшие, что интересы торговли пострадали больше, чем промышленности, и теперь, как им казалось, «единственное спасение – организация совместной торговли на кооперативных началах» и для «сбережения... следует воспользоваться тем частичным правом, которое предоставлено по декрету кооперации».

Другая группа торговцев рассчитывала, что не будут национализированы и останутся в частной собственности те заведения, в которых не заинтересован широкий рынок (например, торговля шёлком). По их мнению, «таким образом, в руках промышленников сохранится хоть часть товара, и тем самым не

---

[62] Там же, д. 505, л. 28 об.

[63] Там же, л. 83.

[64] ЦГИАМ, ф. 143, оп. 1, д. 823, л. 3.

подвергнется полному разрушению весь торговый аппарат». Наиболее пессимистично настроенные полагали, что «положение промышленности и торговли настолько безнадёжно, что всякое вспоможение лицам, ныне разрушительную власть держащим, послужит их усилению созданием каких-либо паллиативов. Кооперативное объединение в целях сохранения промышленности и торговли – бесполезно... в лучшем случае продлит агонию промышленности, но не спасёт последнюю». Как утверждали фабриканты, «всякие попытки сохранения промышленности и торговли... впредь до изменения политического положения бесцельны и безнадежны»[65].

Работа созданной Советом съездов представителей промышленности и торговли 5 июля 1918 г. комиссии по вопросам национализации промышленности (под председательством Б.А. Эфрона) стала последним аккордом его деятельности. Комиссия вырабатывала положения и инструкции по управлению национализированными предприятиями, которые публиковались в «Торгово-промышленной газете». Её последнее, девятое по счёту заседание состоялось 1 октября 1918 г.[66]

Летом–осенью деятельность российских предпринимательских организаций стала угасать. После убийства М.С. Урицкого 30 августа и покушения на В.И. Ульянова (Ленина) 5 сентября вышло знаменитое постановление СНК о «красном терроре». Часть предпринимателей бежала на юг России, за Урал или за границу. За пределами территории, контролируемой большевиками, деятельность торгово-промышленных представительных объединений возродилась[67].

После прихода к власти большевиков предприниматели оказались в состоянии неопределенности. С одной стороны, в конце 1917 – начале 1918 г. развернулась «красногвардейская атака на капитал», направленная на подрыв экономической силы буржуазии (организация рабочего контроля, национализация банков, транспорта, средств связи, и начало национализации промышленности, монополия внешней торговли). С другой стороны, большевики, опираясь на опыт Германии военного времени, выработали доктрину «государственного капитализма», допускающую сотрудничество с представителями делового мира, использование их финансовых и материальных ресурсов и профессиональных навыков. В свою очередь, предприниматели, несмотря на глухое недовольство новой властью, рассчитывали на участие во владении и управлении производством. С мая 1918 г. их положение ухудшилось в силу изменения партийной линии и перехода к политике военного коммунизма. А с осени, особенно после введения «красного террора», деятельность торгово-промышленных организаций на территории советской России прекратилась.

---

[65] Там же. л. 4.

[66] Там же, л. 10, 83–87.

[67] Подробнее см.: *Шацилло М.К.* Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 – начало 1920-х годов). М., 2008.